

Сковарка была уже деформирована, а её покрытие расплавилось. Гу Хуайли долго оттирал её, но так и не смог вернуть прежний серебристый цвет обгоревшим участкам. Выпрямившись, он посмотрел на сковарку в тазу с водой и, подумав, произнёс:

— Миньюй, завтра не готовь.

— А? — Гу Миньюй, который как раз умывался, на мгновение замер, ощущая странную смесь эмоций. Спустя паузу он спросил:

— Тогда... пойдём в кафе или подождём, пока ты вернёшься и пригостишь?

Ежедневно ходить в кафе Гу Хуайли бы не разрешил. Хотя сейчас семья уже не так стеснена в средствах, его положение обязывало быть осторожным. В те времена слишком бросаться в глаза было небезопасно. Однако Гу Хуайли сам не мог точно сказать, когда вернётся с работы. Недавно он взялся за крупное дело и был крайне занят. А здоровье Миньюя оставляло желать лучшего, и пропуск приёма пищи мог привести к проблемам.

— Завтра суббота, я отвезу тебя в одно место. Вечером собери несколько вещей и возьми с собой учебники и домашнее задание. — Гу Хуайли больше не колебался. Сковарку, которую не удалось отчистить, он убрал в шкаф. Похоже, больше она не понадобится.

Утром Гу Миньюй проснулся рано. Не потому, что не мог заснуть из-за вчерашнего происшествия, а потому что отец разбудил его на рассвете.

— Папа, куда мы едем? — Миньюй потирал глаза, всё ещё сонный. На его отдохнувшем лице не было и намёка на то, что вчера он чуть не погиб вместе с домом.

У него была удивительная способность — он никогда не заикливался на прошлом. Даже Гу Хуайли, услышав о случившемся, всю ночь мучился кошмарами, а сам Миньюй вёл себя так, будто ничего не произошло.

— Рыбачить. — Гу Хуайли, несмотря на тёмные круги под глазами, собрался с силами, усадил Миньюя на мотоцикл и сказал:

— Сегодня я познакомлю тебя с одной тётей. У неё есть сын на год старше тебя.

— Его зовут Чжоу Чэн.

Это было первое знакомство Миньюя с именем Чжоу Чэна. С тех пор Чжоу Чэн стал частью его жизни, сопровождая его целых одиннадцать лет, пока не превратился в запретную тему.

Здание прокуратуры находилось на некотором расстоянии от жилого комплекса. Ехать пришлось минут семь-восемь. Подъехав, Миньюй издали увидел у ворот двора прокуратуры

две фигуры — одну повыше, другую пониже. Мать Чжоу Чэна тоже работала в прокуратуре, недавно переведённая из сельской местности. Её должность была ниже, чем у Гу Хуайли, и она была его подчинённой.

— Дядя Гу, здравствуйте! Миньюй, привет! — Чжоу Чэн, как только Гу с сыном подошли ближе, сладко поздоровался. Он был белолицым, с большими яркими глазами, ростом почти как Миньюй, хоть и был на год старше. Выглядел он спокойным и послушным. Рядом стояла красивая женщина с короткой стрижкой, в её мягкости чувствовалась некая решительность. Улыбаясь, она показывала глубокие ямочки на щеках, а её голос звенел, как серебряный колокольчик.

Гу Хуайли высадил Миньюя и пошёл искать место для парковки мотоцикла, а женщина взяла Миньюя за руку и заговорила с ним. Её ладонь была тонкой и гладкой, с лёгким ароматом.

— Миньюй, ты такой красивый, как куколка. — Мать Чжоу Чэна представилась как Чэнь Линлин. Имя было обычным, но в сочетании с её голосом и улыбкой оно казалось идеальным. Миньюй сразу же проникся симпатией к этой тёте.

Гу Хуайли взял служебный джип и ждал за воротами. Вскоре все собрались — коллеги Гу Хуайли, все без детей. Машина была полна, вещей взяли много, и Миньюй с Чжоу Чэном устроились на переднем сиденье, на коленях у Чэнь Линлин.

В начале лета поле было усыпано неизвестными цветами, словно ковёр, протянувшийся вдоль дороги. По обеим сторонам росли ровные ряды деревьев, зелёные кроны которых, как тоннель, окружали их. Лёгкий ветерок шелестел листьями. Миньюй, не узнав деревья, спросил и узнал, что это платаны.

Миньюй, облокотившись на подоконник, выглядывал наружу. С самого рождения родители были заняты работой, и редко вывозили его на прогулки по выходным. Поэтому он был взволнован, на лице играла улыбка, и он то и дело спрашивал Чэнь Линлин о видах растений.

Чэнь Линлин терпеливо отвечала на все вопросы, а если сама не знала, обращалась к другим, нисколько не смущаясь из-за возраста Миньюя.

Чжоу Чэн в машине вёл себя тихо, и Миньюй не хотел с ним общаться.

Миньюй был ещё мал, но характер у него был не из простых. Чжоу Чэн, хоть и старше, называл его «братиком», что вызывало у Миньюя раздражение.

Однако в ограниченном пространстве машины Чжоу Чэн сидел совсем рядом, и каждый раз, когда Миньюй поворачивался к отцу, он видел его лицо.

Поэтому, когда Чжоу Чэн побледнел и вдруг прикрыл рот рукой, Миньюй первым это заметил.

Имея некоторый опыт в поездках, он сразу закричал:

— Его укачало! Сейчас вырвет!

Гу Хуайли остановил машину у обочины. Минъюй первым выскочил из машины. Чэнь Линлин, не обладая большой силой, не смогла вытащить Чжоу Чэна из сиденья, и Минъюй потянул его за руку. Едва они вышли, Чжоу Чэн открыл рот и вырвал всё на землю.

Новые туфли, которые мать Минъюя прислала из Шэньчжэня, тоже испачкались. Увидев, как Чэнь Линлин нежно похлопывает Чжоу Чэна по спине, словно забыв о нём, Минъюй чуть не заплакал. Он спрятался за деревом и сам вытер обувь листьями, но белые туфли, однажды испачканные, уже не могли стать прежними.

Он не выходил, а сидел, срывая траву перед собой. Вскоре Гу Хуайли подошёл к нему, обнял и поговорил с ним. Минъюй, будучи ещё ребёнком, быстро забыл обиду. Чжоу Чэн, отдохнув после рвоты, снова сел в машину, и Минъюй, как ни в чём не бывало, продолжал расспрашивать Чэнь Линлин.

Добравшись до рыбного хозяйства — на самом деле это был небольшой пруд с искусственно выращенной рыбой для любителей рыбалки — взрослые расставили складные стульчики и заняли свои места. Чжоу Чэн вместе с Гу Хуайли спустился к воде, чтобы сетью загнать рыбу к месту ловли. Минъюй, боясь воды, кружил по берегу, но быстро потерял интерес.

Чэнь Линлин повесила свою шляпу на ветку и накинула сверху куртку, чтобы создать тень. Увидев, что Минъюй принёс с собой домашнее задание, она с улыбкой села рядом и наблюдала, как он пишет. Однако Минъюй был смышлёным, и с учёбой у него не было проблем. Чэнь Линлин, увидев, что помощь не нужна, вскоре ушла.

Вскоре Минъюй закончил задание и сидел, погружившись в мысли, как вдруг кто-то ткнул его в плечо сзади. Обернувшись, он увидел Чжоу Чэна в одних шортах, мокрого и прикрывающего рот рукой.

— Минъюй, пойдём со мной, — прошептал он.

Минъюй не шевельнулся, брови его высоко поднялись:

— Сначала скажи, куда.

Чжоу Чэн почесал щёку, не ожидая, что братик окажется таким упрямым. Подумав, он подобрался ближе, мокрое тело неизбежно намочило одежду Минъюя. Тот хмуρο попытался отодвинуться, но Чжоу Чэн, придерживая его лицо, прошептал на ухо:

— Там я нашёл бахчу, и никого нет.

Чжоу Чэн сделал паузу, на лице появилась хитрая улыбка:

— Миньюй, давай стащим арбуз?

— Это как-то неправильно... — Миньюй никогда раньше не воровал, родители и учителя всегда учили его, что воровство — это плохо. Но здесь было скучно, и в начале лета на юге уже было очень жарко. Принесённая вода почти закончилась, и хотя хозяин пруда предлагал чай с листьями, Миньюй никогда его не пил. Услышав об арбузах, он почувствовал, как слюнки потекли, и его отказ звучал неубедительно.

— Ничего, мы оставим деньги. Арбуз стоит десять фэней за цзинь, у меня есть одна юань. Эй, давай, пока мама не заметила. — Чжоу Чэн потянул его за руку, и Миньюй, нехотя поднявшись, взглянул на Гу Хуайли. Убедившись, что тот занят, он побежал за Чжоу Чэном к бахче.

Возбуждение от предстоящего «преступления» заставляло сердце Миньюя биться чаще. Рука, которую держал Чжоу Чэн, была мокрой от пота. Они бежали по тропинке, лица их светились радостью.

<http://bllate.org/book/15446/1371473>